

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПРОЗА ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ: ИДЕОЛОГИЯ, СТЕРЕОТИПЫ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА

Юнусова Дилором Мухитдиновна

Преподаватель, кафедра иностранных языков, Самаркандский кампус негосударственного образовательного учреждения «Университет экономики и педагогики», Узбекистан

ARTICLE INFO.

Ключевые слова: викторианская проза, колониальный дискурс, Восстание 1857 года, Редьярд Киплинг, Флора Энни Стил, Мэтью Тейлор, литературные стереотипы, имперская идеология.

Аннотация

Статья посвящена исследованию художественных и идеологических особенностей викторианской колониальной прозы, формировавшей образ «другого» в рамках имперского дискурса. Особое внимание уделено репрезентации Восстания 1857 года в произведениях английских писателей – от мелодраматических и стереотипных сюжетов до более взвешенных художественных интерпретаций. На материале произведений Дж. Лоуренса, М. Тейлора, Ф.Э. Стил и Р. Киплинга анализируются основные мотивы, сюжетные схемы и идеологические клише, характерные для англо-индийской литературы XIX века. Показано, что литература данного периода выполняла двойственную функцию: с одной стороны, она легитимировала империю и пропагандировала идею «цивилизаторской миссии», с другой – отражала внутренние противоречия и сомнения викторианского сознания.

<http://www.gospodarkainnowacje.pl/> © 2025 LWAB.

Викторианская эпоха XIX века стала периодом интенсивного становления британской колониальной идеологии и активного формирования художественных форм её выражения. Литература, особенно проза, служила мощным инструментом легитимации имперских ценностей, утверждая моральное и культурное превосходство метрополии над колонизированными народами.

Колониальная проза, возникшая на пересечении документальности и художественного вымысла, формировала устойчивый образ Востока как пространства экзотики, опасности и инаковости. В ней утверждалась идея «цивилизаторской миссии» - убеждение, что европейцы призваны нести свет разума и прогресса в «тёмные» страны. В этом контексте художественное слово становилось не просто отражением эпохи, но и идеологическим инструментом имперского самосознания.

Целью настоящей статьи является анализ основных художественных и идеологических стереотипов викторианской колониальной прозы на материале произведений, посвящённых Восстанию 1857 года. Исследование позволяет выявить, как литература XIX века формировала устойчивые модели восприятия Индии и индийцев, а также как постепенно происходил переход от стереотипного к более объективному изображению колониальной действительности.

Викторианские произведения о Восстании в концентрированной форме используют расистские стереотипы. Не вдаваясь в подробности реальной истории, зачастую не задумываясь о возможных причинах Восстания, писатели описывают индийцев исключительно порочной нацией. Мелодраматические сюжеты низводят сложные социальные и моральные проблемы до уровня упрощенных оппозиций «добро - зло», «жертва - злодей» и т.д., не останавливаясь перед грубым искажением исторических фактов. Так, в популярной пьесе «Джесси Браун» американского автора Д.Бусико (Boucicault), впервые поставленной в Нью-Йорке 22 февраля 1858 года, а позже с успехом шедшей в театрах Англии, действие происходит в городе Лакхнау, а главным злодеем выступает Нана-Сахиб, один из реальных руководителей Восстания, который, однако, никогда в Лакхнау не был. В пьесе он - кровожадный мусульманин, постоянно клянувшийся именем Аллаха уничтожить англичан (реальный Нана-Сахиб был индуистом), и главной целью осады Лакхнау для него является некая миссис Кэмпбелл, которую он хочет похитить для своего гарема.

Первым романом о Восстании Х. Грех называет произведение «Морис Деринг» (1864) Джорджа Лоуренса, которое она характеризует как сенсационный роман со всеми характерными для него перипетиями: почти свершившийся адьюльтер, нападение разбойников, шантаж, дуэль, гибель героини от рук мятежников. Герой романа, Морис Деринг, совершает акт справедливого мщения, поскольку, как он объясняет, «моя невинная пташка попала в лапы к этим дьяволам, спущенным с цепи. Говоря это, он заскрежетал зубами, а его усы побелели и стали влажными от пены».

Другие романы о Восстании следуют в русле подобного подхода; многие авторы включают в свои произведения ужасные сцены насилия и издевательств восставших над европейцами.

Среди ряда стереотипных мелодраматических и сенсационных романов о Восстании критики выделяют произведение М. Тейлора «Сета» (1872) как единственное исключение. Автор пытается разобраться в причинах, приведших к страшному кровопролитию, и выделяет среди них религиозное непонимание с обеих сторон. В его изображении восставшие - обычные люди, попавшие в трагическую ситуацию: «За сто лет верной службы сипай выполнили все свои обязательства, а сейчас их господа собирались ... осквернить их и замарать их касту, которая была для них дороже жизни, так как без нее жизнь и честь ничего не стоили. Какой повод дали они для поругания своей веры? ... Разве они не преодолевали честно снега и морозы Афганистана и выжженные равнины Индии, проливая кровь своих лучших сынов, разве не добились они замечательных побед? А сейчас кажется. Что все забыто и отброшено» 137. В романе М. Тейлора на фоне Восстания развиваются романтические отношения между индийской девушкой Сетой и англичанином Сирилом Врэнтоном. «Сета» - единственный викторианский роман об Индии, известный мне, который описывает любовные отношения между представителями разных рас с симпатией и сочувствием. Даже Р. Кипплингу это удавалось в гораздо меньшей степени», - отмечает П. Брантлинджер. В романе рассматривается, как религия (в равной степени это относится к индуизму, исламу и к христианству) творит препятствия для любви и взаимопониманию между людьми. Несмотря на мелодраматический финал романа, в котором Сета умирает, успев, однако, принять христианство, автор поднимается до критики религиозной и расовой нетерпимости, характерной для обеих культур - «предрассудки, предубеждения, миссис-Грандишизм с двух сторон». Кроме того, «Сета» - единственный роман о Восстании второй половины девятнадцатого века, в котором не фигурирует злодей Нана-Сахиб и нет описаний событий в Канпуре.

Известнейшей англо-индийской писательницей второй половины девятнадцатого века была Флора Энни Стил (Steel, 1847 - 1929), которую современники считали второй после Р. Кипплинга. В 1867 году, выйдя замуж за чиновника британской колониальной службы, она приехала в Пенджаб, где провела более двадцати лет и где происходит действие большинства её

произведений. Ф.Э. Стил интересовалась фольклором Пенджаба, и её первый сборник «Дневные истории» (1883 г.), опубликованный, когда она еще жила в Индии, использует эти мотивы. Основные произведения были созданы писательницей после её возвращения в Англию: за период с 1893 по 1908 годы ею было опубликовано более двадцати сборников рассказов, повестей, романов, а также историческая компиляция «Индия в веках» (1908 год) и автобиография (1929 год). Кроме того, особой популярностью пользовалась книга, изданная Ф.Э.Стил под псевдонимом «Миссис Битон» «Полное руководство по ведению домашнего хозяйства и по приготовлению пищи в Индии» (1889 год).

Уже в первых повестях, включенных в сборник 1883 года «Из страны пяти рек» (так в Индии называют Пенджаб) Ф.Э. Стил заявляет одну из центральных тем своего творчества: несмотря на присутствие в стране англичан, в Индии существуют опасные для жизни обычаи и верования. Идея морального и культурного превосходства европейцев трансформируется в её произведениях в идею о благе привнесенной цивилизации для самих индийцев. Следующие рекомендации взяты из руководства по ведению домашнего хозяйства в Индии. Писательница считает, что первым требованием к английской мемсахиб в Индии является необходимость выучить, хотя бы на коммуникативном уровне, местный язык. «Следующей задачей является то, что она должна настаивать на выполнении своих указаний. И здесь мы подходим к самому существенному: как этого добиться? Конечно, сегодня у обычного индийского слуги мало качеств, к которым мы можем апеллировать, но ведь и у ребенка почти отсутствует чувство ответственности, если его не внушать, не прививать и не вырабатывать обучением... Секрет воспитания состоит в том, чтобы выработать правила и строго им следовать. Индийский слуга - ребенок во всем, за исключением возраста, и обращаться с ним следует, как с ребенком, доброжелательно, но с большой твердостью. Законы ведения домашнего хозяйства должны напоминать ... законы древней Персии, и первая же ошибка не должна остаться незамеченной. Пропустив первое прегрешение, мы лишаемся единственной имеющейся у нас возможности предотвратить ее превращение в привычку» .

По мнению Э. Бомер, Ф. Э. Стил описывает идеальные отношения между хозяевами-англичанами и слугами-индийцами абсолютно такими, какими англичане как нация представляли себе отношения с колонизованными народами: литературное произведение формулирует общенациональный стереотип и одновременно тиражирует и популяризирует его.

Среди произведений Ф.Э. Стил также заслуживает упоминания роман «Водная гладь» (1896 год), роман о Восстании, для написания которого автору пришлось на какое-то время вернуться в Индию, чтобы повстречаться с очевидцами событий. Любопытно, что в целом трактовка событий 1857года в прозе Ф.Э. Стил весьма сдержана: вину за разразившуюся трагедию она возлагает, прежде всего, на английскую колониальную администрацию, которая не справилась со своими обязанностями управления: «Не было недостатка в личном мужестве англичан - употребим более выразительное слово, в их героизме, но если оценивать общую готовность - её просто не существовало». Об англичанках в Индии писательница отзывалась следующим образом: « Едва ли можно найти более благосклонную и добрую душу, чем обычная английская хозяйка дома, а в период до 1857 года она была романтична сверх всякой меры» .

П. Бранлинджер считает, что из всех романов о Восстании, написанных в девятнадцатом веке, роман Ф. Э. Стил выделяется неоднозначностью подходов и взвешенностью оценок, уступая лишь произведению М. Тейлора «Сета». На протяжении всего повествования Ф. Э. Стил удается сохранить объективный тон и видимость беспристрастности; она не анализирует причины восстания, её герои, индийцы и англичане, неоднозначны и далеки от упрощенных схематизированных героев произведений других авторов. Один из героев романа, англичанин капитан Морекомб, произносит: «С обеих сторон случались ужасные вещи. Так бывает всегда. Когда происходит захват города, ничего нельзя с этим поделать» . Критикуя и англичан, и

индийцев, Ф. Э. Стил, однако, изображает индийцев варварами, погрязшими в пороках, и реакция англичан становится в подобном контексте вполне объяснимой: за-щищаясь, они вынуждены отвечать. Оценивая свое произведение в «Автобиографии», писательница отмечает, что тема романа «На поверхности воды» «должна была тронуть каждое сердце, возбудить гордость и энтузиазм каждого британца. Индийское восстание стало Эпосом Расы, оно вместило в себя все возможные эмоции и все возможное торжество».

Одни боги знают - боги, пославшие его на горе всем. Безумие влилось в войска, и они восстали против своих начальников. Это было первое из зол и поправимое, если бы только люди сумели держать себя в руках. Но ни принялись убивать жен и детей сахибов. Тогда из-за моря прибыли сахибы и, призвали их к строжайшему ответу. .. Ха! Я видел, как сотрясая Дели, а Дели - пуп земли....Я служил тогда в кавалерийском полку. Он взбунтовался. Из шестисот восьмидесяти сабель остались верны, как думаешь, сколько? Три. Одним из троих был я.... В те дни мы не считали это заслугой. Все мои родные, друзья, братья отвернулись от меня. Они говорили: «Время англичан прошло. Пусть каждый сам для себя отобьет небольшой кусок земли».... В те дни я верхом проехал семьдесят миль с английской мемсахиб и ее младенцем в тороках... Я довез их благополучно и вернулся к своему начальнику - единственному из наших пяти офицеров, который не был убит...»[1].

Не вдаваясь в подробное рассмотрение причин и механизмов Восстания, Р. Киплинг, тем не менее, выдвигает на первый план два популярных довода английского общественного мнения и официальной пропаганды и историографии, осуждающих поведение восставших: нарушение присяги и жестокость по отношению к английскому гражданскому населению. Киплинг подчеркивает, что его герой, старый офицер – индеец, во время Восстания занял твердую позицию по обоим вопросам, а впоследствии был щедро вознагражден.

По данным Р. Крейна и Дж. Ливетт, к моменту освобождения Индии в 1947 году Восстание было описано в сорока семи английских романах, что несколько расходится с данными, приведенными в трудах П.Брантлинджера. В любом случае, статистика выглядит впечатляюще.

В романе «Ким» Р. Киплинг трактует Восстание 1857 года как «безумие, злое дело, Черный Год», четко следуя в русле официальной английской традиции. Уже многие современники Восстания, а вслед за ними и более поздние историки стремились представить картину произошедшего в 1857 году в более объективном свете, что больше соответствовало исторической правде. В своей трактовке Восстания Р. Киплинг занимает однозначно про имперскую позицию, не высказывая ни малейшего сомнения в ее справедливости. Следует также отметить, что «романы о Восстании» появились в двадцатом веке в индийской литературе, а в английской литературе эта, казалось бы, прочно забытая разновидность романа возникает в творчестве Дж. Г. Фаррелла в 1973 году в виде романа «Осада Кришнапура», удостоенного премии Букера.

Чтобы лучше понять стереотипы, сложившиеся в девятнадцатом веке в англо-индийской литературе, необходимо обратиться к популярному чтению, и, прежде всего к тем книгам, которые читало большинство детей из семей среднего и высшего класса. Те англичане, которые, став взрослыми, ехали в колонии в качестве чиновников колониальной администрации, военнслужащих и т.д., впервые узнавали о странах, где им впоследствии приходилось жить, из литературы для подросткового чтения. Именно подобное чтение формировало менталитет будущих колониальных служащих и - шире - имперский менталитет нации с его характерными стереотипами.

Как указывает И. Т. Вепрева, с содержательной точки зрения стереотип - «это некий устойчивый фрагмент картины мира, хранящийся в сознании. Особенностью процесса стереотипизации объективной действительности является известное упрощение, «сокращение» этого фрагмента в

процессе познания. Стереотипизация познания имеет два различных следствия. С одной стороны, стереотипы облегчают, «экономят», ускоряют мышление» [2], а, следовательно, общение между членами одной культурной общности. Эта положительная сторона процесса стереотипизации оказалась возможной именно потому, что в основе возникновения стереотипов лежат факты и события жизненной реальности.

Существует, однако, и другая сторона данного процесса: «Упрощенный подход к познанию не дает полного и точного образа другого, способствует возникновению предубеждений, стандартных мнений, расхожих истин на основе ярких признаков, бросающихся в глаза. Возникновение предубеждений на основе негативного прошлого опыта отрицательно сказывается в условиях «реальной жизни» [3].

Исследовательница отмечает, что ментальные стереотипы, имеющие личностную, групповую или национальную окрашенность, терминологически обозначаются как менталитет: «При первом приближении под менталитетом следует понимать интегральную характеристику некоторой культуры, в которой отражено своеобразие видения и понимания мира ... представителями этой культуры» [4]. Следует также учитывать, что ментальность - это специфический вид мышления, обладающий определенной устойчивостью, поскольку «характеризует собой глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания» [5]. Таким образом, этнически-национальный менталитет отражает и артикулирует национальные мифы, оценки, самооценки и предубеждения.

Во второй половине девятнадцатого века в Англии появилась «литература для девочек» и «литература для мальчиков»: «Эти серьезные назидательные книги получили одобрение правящей элиты (церковь, армия, частные школы, колониальные ведомства), стремившейся изменить читательские пристрастия, существовавшие среди мальчиков-подростков. Примерно до 1850 года в литературе для мальчиков преобладали так называемые «грошовой ужасы» («*penny dreadful*»), названные так из-за своей низкой цены и преобладания в них насилия. Но родители - представители среднего класса, учителя и духовенство выражали открытое недовольство этой литературой, которая игнорировала их ценности: упорный труд, самодисциплина и социальный порядок» [6]. Литература для мальчиков родилась фактически как ответ на этот социальный заказ. Она была призвана не только развивать, но и наставлять, активно используя стереотипные характеры героев и четкие оппозиции добра и зла, порядка и хаоса, силы и слабости. «Британия владела обширными заморскими колониями, где требовались люди, точно знающие, кем они являются, и что за ними стоит, и мальчиков готовили к их будущим ролям во взрослой жизни, обучая моментально опознавать приемлемые и неприемлемые нормы поведения», - отмечает Р.Льюис. Симптоматично, что первым произведением подобного рода считается роман Томаса Хьюгса «Школьные годы Тома Брауна» (1857 год), в котором описывается процесс воспитания будущих слуг империи в закрытой школе Регби.

Место действия романа выбрано далеко не случайно: в середине девятнадцатого века именно в Регби сложилась новая система воспитания, отвечающая требованиям времени. Больше внимания стало уделяться современным учебным дисциплинам, не классическим языкам, а также спорту и физическим упражнениям, которые были признаны важнейшей частью воспитательного процесса. Но, самое главное, сложилась и получила официальное одобрение система подчинения младших мальчиков старшим; подрастая, младшие брали ответственность на себя. Считалось, что таким образом подростки проходили школу дисциплины, подчинения, а также получали первые навыки управления.

Проведенный анализ показал, что викторианская колониальная проза формировала и тиражировала устойчивую систему идеологических стереотипов, лежащих в основе имперского мышления. Репрезентация Восстания 1857 года в английской литературе XIX века выполняла

двойственную функцию: с одной стороны, она оправдывала действия колонизаторов и утверждала «цивилизаторскую миссию», а с другой – косвенно выявляла внутренние противоречия между гуманистическими принципами и практикой колониального господства.

Произведения Ф.Э.Стюда, М.Тейлора и Р.Киплинга демонстрируют постепенный сдвиг от пропагандистского пафоса к более критическому осмыслению отношений метрополии и колоний. Тем самым викторианская проза становится не только отражением имперского сознания, но и ареной для его переосмысления.

Список использованной литературы

1. Said E. *Orientalism*. – London: Penguin Books, 1978. – P. 40–45.
2. Hobson J. A. *Imperialism: A Study*. – London: George Allen & Unwin, 1902.
3. Brantlinger P. *Rule of Darkness: British Literature and Imperialism, 1830-1914*. – Ithaca: Cornell University Press, 1988.
4. Böhmer E. *Colonial and Postcolonial Literature: Migrant Metaphors*. – Oxford: Oxford University Press, 1995.
5. Trevelyan G. O. *The Competition Wallah*. – London: Macmillan, 1864.
6. Steel F. A. *On the Face of the Waters*. – London: Heinemann, 1896.
7. Taylor M. *Seeta*. – London: Hurst and Blackett, 1872.
8. Kipling R. *The Bridge Builders // The Day's Work*. – London: Macmillan, 1898.
9. Гребе Н. *The Indian Mutiny in English Fiction // Blackwood's Edinburgh Magazine*. – 1897. – P. 21-37.
10. Вепрева И.Т. *Стереотип как феномен культурной коммуникации*. – Екатеринбург: УрГУ, 2000.
11. Lewis R. *Boys' Literature and the Ideology of Empire*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990.